

**история
политических
и правовых учений**

Г. В. Плеханов

**Основные
вопросы
марксизма**

*«Основные вопросы марксизма» — работа, принадлежащая перу марксистского философа Георгия Валентиновича Плеханова (1856–1918). ****

Теория диалектического материализма, изложенная Плехановым, указала новый путь движения революции, предрекая закат русского абсолютизма и развитие рабочего класса.

Другими выдающимися сочинениями автора являются «Социализм и политическая борьба», «Роль личности в истории» и «Об изучении философии».

Георгий Валентинович Плеханов — деятель социалистического движения и автор многочисленных работ по философии.

Плеханов Георгий Валентинович

Основные вопросы марксизма

Марксизм, это — целое миросозерцание. Выражаясь кратко, это *современный материализм*, представляющий собою высшую в настоящее время ступень развития того взгляда на мир, основы которого были заложены еще в древней Греции Демокритом, а отчасти и предшествовавшими Демокриту ионийскими мыслителями: так называемый гилозоизм есть не что иное как наивный *материализм*. Самая главная заслуга в разработке современного материализма принадлежит, без всякого сомнения, Карлу Марксу и его другу Фридриху Энгельсу. Историческая и экономическая стороны этого миросозерцания, т. е. так называемый *исторический материализм* и тесно связанная с ним совокупность взглядов *на задачи, метод и категории политической экономии и на экономическое развитие общества, в особенности же капиталистического*, являются в своих основаниях почти исключительно делом Маркса и Энгельса. То, что внесено было в эти области их *предшественниками*, должно быть рассматриваемо лишь как подготовительная работа собирания материала, подчас обильного и драгоценного, но еще не систематизированного, не

освященного одной общей мыслью и потому не оцененного и не использованного в своем истинном значении. То, что сделано было в тех же областях *последователями* Маркса и Энгельса в Европе и Америке, представляет собою лишь более или менее удачную разработку отдельных, правда, иногда в высшей степени важных, вопросов. Вот почему не только в «широкой публике», до сих пор никогда еще не дораставшей до глубокого понимания философских учений, но даже и в среде людей, считающих себя верными последователями Маркса и Энгельса, и притом не только в России, но и во всем цивилизованном мире, термином «марксизм» часто обозначаются именно только две только что указанные нами стороны современного материалистического мирозерцания. Эти две его стороны рассматриваются в таком случае, как нечто совершенно независимое от «философского материализма» и чуть ли не противоположное ему¹. А так как эти две стороны, произвольно

¹ Мой друг Виктор Адлер совершенно верно заметил в статье, которую он опубликовал в день похорон Энгельса, что социализм, как его понимали Маркс и Энгельс, есть не только экономическое, но и универсальное учение (я цитирую по итальянскому изданию: Ф. Энгельс, «Политическая экономия». С введением и библиографическими заметками Филиппа Туратти, Виктора Адлера и Карла Каутского. Милан 1895). Но чем вернее эта характеристика

вырванные из общей совокупности родственных им и составляющих их теоретическое основание взглядов, не могут же висеть в воздухе, то у людей, совершивших над ними операцию вырывания, естественно возникает потребность заново «обосновать марксизм», соединив его, — опять-таки совершенно произвольно и чаще всего под влиянием философских настроений, господствующих в данное время между идеологами буржуазии, — с тем или другим философом: с Кантом, с Махом, с Авенариусом, с Оствальдом, а в последнее время — с Иосифом Дицгеном. Философские взгляды И. Дицгена возникли, правда, вполне независимо от буржуазных влияний и в

социализма, как его понимали Маркс и Энгельс, тем более странное впечатление производит, когда Виктор Адлер допускает возможность замены материалистической основы этого «универсального учения» кантовской. Что приходится думать об универсальном учении, философская основа которого не стоит ни в какой связи со всем его строением? Энгельс писал: «Маркс и я были, кажется, единственными, которые перенесли сознательную диалектику в материалистическое понимание природы и истории» (см. предисловие к третьему изданию «Анти-Дюринга»). Из этого совершенно ясно вытекает, что отцы научного социализма, несмотря на некоторых своих современных последователей, были сознательными материалистами не только в области истории, но и в области естествознания.

значительной степени родственны философским воззрениям Маркса-Энгельса. Но эти последние обладают несравненно более стройным и богатым содержанием и уже по одному этому не могут быть *дополнены* , а могут быть, пожалуй, отчасти *популяризованы* , с помощью учения Дицгена. До сих пор не было сделано попытки «дополнить Маркса» Фомою. Аквинским. Но нет ничего невозможного в том, что, несмотря на недавнюю энциклику папы против модернистов, католический мир выдвинет когда-нибудь из своей среды мыслителя, способного на этот теоретический подвиг.

I

Необходимость «дополнения» марксизма тем или другим философом доказывается обыкновенно ссылкой на то, что Маркс и Энгельс нигде не изложили своих философских воззрений. Но такая ссылка мало убедительна, не говоря уже о том, что если бы эти воззрения и в самом деле остались совершенно неизложенными, то это еще не давало бы никакого логического основания для замены их взглядами первого встречного мыслителя, по большей части стоящего на совершенно другой точке зрения. Нужно помнить, что мы имеем достаточно литературных данных для составления

себе правильного понятия о философских взглядах Маркса-Энгельса ².

Взгляды эти были в *своем окончательно* сложившемся виде изложены довольно полно, хотя и в полемической форме, в первой части книги Энгельса «Herrn Eugen Dühring's Umwälzung der Wissenschaft» (есть несколько русских переводов). В замечательной брошюре того же автора: «Ludwig Feuerbach und der Ausgang der klassischen deutschen Philosophie» (переведена нами на русский язык и снабжена предисловием и пояснительными примечаниями; издана г. Львовичем) взгляды, составляющие философскую основу марксизма, изложены уже в положительной форме. Краткую, но яркую характеристику тех же взглядов, в их отношении к *агностицизму*, Энгельс дал в предисловии к английскому переводу брошюры «Развитие научного социализма» (переведено на немецкий язык и напечатано под заглавием: «Ueber den historischen Materialismus» в «Neue Zeit», №№ 1 и 2, 1892–1893 гг.). Что касается Маркса, то для понимания *философской стороны* его учения в высшей степени важны, во-первых, характеристика

² Философии Маркса-Энгельса посвящена работа г. Вл. Вериго, Marx als Philosoph. Bern und Leipzig 1904, но трудно вообразить себе что-либо менее удовлетворительное.

материалистической диалектики , — в ее отличии от *идеалистической* диалектики Гегеля, — в предисловии ко второму изданию I тома «Капитала», во-вторых, многие отдельные замечания, мимоходом высказанные в том же томе. Весьма существенными в известных отношениях являются также некоторые страницы в «*Misère de la philosophie*» (есть русский перевод). Наконец, процесс развития философских взглядов Маркса-Энгельса с достаточной ясностью обнаруживается в их ранних произведениях, вновь изданных Ф. Мерингом под заглавием: «*Aus dem literarischen Nachlas von Karl Marx*» и т. д., Stuttgart 1902.

В своей диссертации «*Differenz der Demokratischen und Epikureischen Natur-philosophie*», равно как и в некоторых статьях, перепечатанных Мерингом в первом томе названного издания, молодой Маркс является перед нами еще чистокровным идеалистом Гегелевой школы; в статьях же, вошедших теперь в тот же том и появившихся первоначально в «*Deutsch-französischen Jahrbüchern*», он, а также и сотрудничавший в тех же «*Jahrbüchern*» Энгельс, твердо стоит уже на точке зрения Фейербахова «гуманизма» ³ . Вышедшая в 1845 г. и

³ Для характеристики эволюции философских воззрений

Маркса представляет большое значение его письмо к Фейербаху от 30 октября 1843 г. Приглашая Фейербаха выступить против Шеллинга, Маркс пишет: «Вы для этого самый подходящий человек, ибо вы являетесь Шеллингом наизнанку. Вполне правильная юношеская мысль Шеллинга, — мы должны признавать все хорошее и в нашем противнике, — для осуществления которой, он, однако, не имел никаких способностей, кроме воображения, никакой энергии, кроме тщеславия, никакого стимула, кроме опиума, никакого органа, кроме раздражительности и женской способности воспринимания, — эта правильная юношеская мысль Шеллинга, оставшаяся у него фантастическим видением юности, у вас превратилась в истину, в реальность, в мужественную серьезность. Шеллинг поэтому является вашим искаженным предвосхищением, а как только такому искажению противопоставляется действительность, то оно должно рассеяться, как пар, как облако. Я считаю вас поэтому необходимым, естественным, уполномоченным их величествами природой и историей, противником Шеллинга. Ваша борьба с ним, это — борьба самой философии с извращением этой философии» (К. Грюн, «Людвиг Фейербах в его письмах и произведениях». Лейпциг, 1874, том первый, стр. 361). Согласно этому, Маркс, вероятно, понимал «юношескую мысль Шеллинга» в смысле материалистического монизма. Но Фейербах не разделял этого взгляда Маркса, как видно из его ответа Марксу. Он находит, что Шеллинг уже в своих первых произведениях «только превращает идеализм мысли в идеализм воображения, вещам приписывает так же мало реальности, как и «я», с той лишь разницей, что это имело другую видимость, потому что на место определенного «я» он поставил неопределенное Абсолютное и придал идеализму

перепечатанная теперь во втором томе Мерингова издания книга «Die heilige Familie, oder Kritik der kritischen Kritik» показывает нам обоих своих авторов, т. е. и Маркса и Энгельса, делающими несколько значительных шагов в смысле дальнейшей *разработки* философии Фейербаха. В каком направлении предпринята была ими эта разработка, видно из тех одиннадцати *тезисов о Фейербахе*, которые были написаны Марксом весной 1845 г. и напечатаны Энгельсом в приложении к вышеназванной брошюре «Л. Фейербах». Словом, в материале тут недостатка нет, — нужно только уметь пользоваться им, т. е. нужно быть подготовленным к его пониманию. Современные же читатели как раз и не подготовлены к его пониманию, а потому и не умеют им пользоваться.

Почему это происходит? По многим причинам. Одной из самых главных является то, что теперь чрезвычайно мало распространены, во-первых, *знание Гегелевой философии*, без которого трудно усвоить метод Маркса, во-вторых, *знакомство с историей материализма*, отсутствие которого не позволяет современным читателям составить себе ясное представление об учении

Фейербаха, бывшего непосредственным философским предшественником Маркса и в значительной степени выработавшего философскую основу того, что можно назвать миросозерцанием Маркса-Энгельса.

«Гуманизм» Фейербаха обыкновенно изображается теперь как нечто весьма неясное и неопределенное. Ф. А. Ланге, вообще очень сильно содействовавший в «широкой публике» и в ученом мире распространению совершенно неправильного взгляда на сущность материализма и на его историю, совсем отказывается признать «гуманизм» Фейербаха материалистическим учением. Примеру Ф. А. Ланге следуют в этом отношении почти все, писавшие о Фейербахе в России и за границей. Не избежал, как видно, его влияния и П. А. Берлин, который изображает Фейербахов «гуманизм» каким-то не «чистым» материализмом ⁴). Признаемся, нам не совсем ясно, как смотрит на этот вопрос Фр. Меринг, лучший, едва ли, впрочем и не единственный, знаток философии между германскими социал-демократами. Но зато нам совершенно ясно, что Маркс и Энгельс видели в Фейербахе именно материалиста. Правда, Энгельс

⁴ См. его интересную книгу «Германия накануне революции 1848 г.», СПб. 1906, стр. 228–229.

указывает на непоследовательность Фейербаха; но это нисколько не мешает ему признавать основные положения его философии чисто материалистическими ⁵. Да иначе и не может смотреть на эти положения человек, давший себе труд хорошо изучить их.

⁵ 5 Энгельс писал: «Ход развития Фейербаха есть превращение гегельянца, — правда, вполне правоверным гегельянцем он не был никогда, — в материалиста. На известной ступени этого развития он пришел к полному разрыву с идеалистической системой своего предшественника. С неудержимой силой овладело им, наконец, сознание того, что предвечное бытие «абсолютной идеи» и «логических категорий», существование которых, по Гегелю, предшествовало существованию мира, есть не более как фантастический остаток веры в неземного творца; что вещественный, доступный нашим внешним чувствам мир, к которому принадлежим мы сами, есть единственный действительный мир, и что наше сознание и мышление порождаются вещественным органом, частью нашего тела, — мозгом, — хотя и принадлежат, по-видимому, к невещественному миру. Не материя порождается духом, а дух представляет собою высочайшее порождение материи. Это, конечно, уже чистый материализм» («Людвиг Фейербах». Штутгарт 1907, стр. 17–18).

II

Говоря все это, мы прекрасно знаем, что мы очень сильно рискуем удивить многих и многих из наших читателей. Но мы не боимся этого, ибо прав был древний мыслитель, сказавший, что удивление есть мать философии. А чтобы наши читатели не остались, так сказать, на стадии удивления, мы им прежде всего порекомендуем спросить себя, что, собственно, хотел выразить Фейербах, когда, набрасывая в немногих, но ярких словах свой философский *currículum vitae*, он писал: «Бог был моей первой мыслью, разум — второю, а человек — третьей и последнею». Мы утверждаем, что этот вопрос безапелляционно решается следующими многозначительными словами того же Фейербаха: «В споре между материализмом и спиритуализмом речь идет о человеческой голове; раз мы узнали, что представляет собою та материя, из которой состоит мозг, мы скоро придем к ясному взгляду и насчет всякой другой материи, насчет материи вообще»⁶. В другом месте, он говорит, что его «*антропология*», т. е. «гуманизм», представляет собою лишь указание на то, что человек принимает за Бога свою собственную

⁶ «Über Spiritualismus und Materialismus». Werke, X, 129.

сущность, свой собственный дух ⁷. И этой «антропологической» точки зрения не чужд, по его замечанию, уже Декарт ⁸. Что же все это значит? Это значит, что Фейербах взял «человека» за отправную точку своих философских рассуждений только потому, что, отправляясь от этой точки, он надеялся скорее придти к цели, которая состояла в составлении правильного взгляда на материю вообще и на ее отношение к «духу». Стало быть, тут мы имеем дело с *методологическим приемом*, значение которого обуславливалось обстоятельствами времени и места, т. е. привычками мысли тогдашних ученых и просто образованных немцев ⁹), *а вовсе не какой-нибудь особенностью миросозерцания* ¹⁰).

⁷ Werke, IV, 249.

⁸ Там же, та же стр.

⁹ Фейербах сам очень хорошо говорит, что начало всякой философии определяется предшествовавшим состоянием философской мысли.

¹⁰ Ф. Ланге утверждает: «Настоящий материалист всегда будет склонен направлять свой взор на всю совокупность внешней природы и рассматривать человека только как волну в океане вечного движения вещества. Природа человека

Уже из приведенных нами слов Фейербаха насчет «человеческой головы» видно, что в ту пору, когда он писал эти слова, вопрос о «материи, из

является для материалиста только специальным случаем общей физиологии, как мышление есть только специальный случай в цепи психических жизненных процессов» («История материализма», т. II, стр. 74. Лейпциг 1902). Но и Теодор Дезами в своем «Кодексе Коммуны» (Париж, 1843) тоже исходит от человеческой природы (человеческого организма), и, несмотря на это, никто не усомнится, что он разделяет взгляды французского материализма XVIII столетия. Впрочем, Ланге совершенно не упоминает Дезами, тогда как Маркс причисляет его к французским коммунистам, коммунизм которых был научнее, чем коммунизм, напр., Кабе. «Дезами, Гэ и другие французские коммунисты того же направления, — говорит Маркс, — развивают материалистическое учение, как учение реального гуманизма и логическую основу коммунизма» («Святое семейство»). В то время, когда Маркс и Энгельс писали цитированное произведение, они еще расходились в оценке философии Фейербаха. Маркс называл ее «материализмом, совпадающим с гуманизмом» (подобно тому, как Фейербах в теории, французский и английский социализм и коммунизм являются на практике материализмом, совпадающим с гуманизмом). Маркс вообще рассматривал материализм, как необходимую теоретическую основу коммунизма и социализма. Энгельс, напротив, придерживался взгляда, что Фейербах раз навсегда покончил со старым противоположением спиритуализма и материализма («Святое семейство»). Позже, как мы видели, он также отмечает в развитии Фейербаха эволюцию от идеализма к материализму.

которой состоит мозг», был им решен в «чисто» материалистическом смысле. И это его решение вопроса было принято также Марксом-Энгельсом. Оно легло в основу их собственной философии, что с самой полной ясностью видно из не раз уже упомянутых нами сочинений Энгельса «Людвиг Фейербах» и «Анти-Дюринг». Вот почему мы должны поближе ознакомиться с этим решением: изучая его, мы будем в то же время изучать *философскую сторону марксизма*.

В своей статье «Vorläufige Thesen zur Reform der Philosophie», появившейся в 1842 году и, как это по всему видно, оказавшей очень сильное влияние на Маркса, Фейербах говорит, что «истинное отношение мышления к бытию есть следующее: бытие — *субъект*, мышление — *предикат*». Мышление обуславливается бытием, а не бытие мышлением. Бытие обуславливается самим собою... имеет свою основу в самом себе ¹¹.

Этот взгляд на отношение бытия к мышлению, положенный Марксом-Энгельсом в основу *материалистического объяснения истории*, представляет собою важнейший результат той критики Гегелевского идеализма, которая была в главных чертах закончена еще Фейербахом и

¹¹ Werke II, 263.

выводы которой могут быть изложены в немногих словах так.

Фейербах нашел, что философия Гегеля устранила противоречие между бытием и мышлением, выразившееся с особенной выпуклостью у Канта. Но, по мнению Фейербаха, она устранила это противоречие, *продолжая оставаться внутри его*, т. е. внутри одного из элементов, и именно — *мышления*. У Гегеля *мышление и есть бытие*: «Мысль — субъект; бытие — предикат»¹². Выходит, что Гегель, — и вообще идеализм, — устраняет противоречие лишь посредством устранения одного из его составных элементов, т. е. бытия, материи, природы. Но устранить один из составных элементов противоречия вовсе не значит разрешить это противоречие. «Учение Гегеля о том, что природа «полагается» идеей, представляет собою лишь перевод на философский язык теологического учения о том, что природа создана богом, действительность, материя — отвлеченным, не материальным существом»¹³. И это относится не только к абсолютному идеализму Гегеля.

¹² Werke, II, 261.

¹³ Ibid., 262.

Трансцендентальный идеализм Канта, согласно которому внешний мир получает свои законы от рассудка, а не рассудок от внешнего мира, находится в самой тесной родственной связи с теологическим представлением о том, что божественный рассудок продиктовал миру его законы ¹⁴. *Идеализм не устанавливает единства бытия и мышления и не може; он его разрывает.* Исходная точка идеалистической философии, — я, как основной философский принцип, — совершенно ошибочна. Точкой отправления истинной философии должно служить не я, а я-и-ты. Только эта точка отправления дает возможность прийти к правильному пониманию отношения между мышлением и бытием, субъектом и объектом. Я есмь я для меня самого, и в то же время — ты для другого. Я — *субъект* и в то же время *объект*. И надо заметить, кроме того, что я — не то отвлеченное существо, с которым оперирует идеалистическая философия. Я — существо *действительное*; мое тело принадлежит к моей сущности, более того — мое тело, как целое, и есть мое я, моя истинная сущность. Думает не отвлеченное существо, а именно это действительное существо, это тело. Таким образом,

¹⁴ Werke, II, 295.

обратно тому, что утверждают идеалисты, действительное материальное существо оказывается субъектом, а мышление — предикатом. И в этом и состоит единственное возможное разрешение того противоречия между бытием и мышлением, над которым так тщетно бился идеализм. Тут не устраняется ни один из элементов противоречия, оба они сохраняются, обнаруживая свое истинное единство. «Что для меня, или субъективно, есть чисто духовный, нематериальный, нечувственный акт, то само по себе, объективно, есть акт материальный, чувственный» ¹⁵.

Заметьте, что, говоря это, *Фейербах сближается со Спинозой*, философию которого он с большим сочувствием излагал уже в то время, когда только еще намечался его собственный разрыв с идеализмом, т. е. когда он писал свою историю новой философии ¹⁶. В 1843 г. он в своих

¹⁵ Werke, II, 350.

¹⁶ Уже в это время Фейербах написал следующие примечательные строки: «Несмотря на всю противоположность между практическим, отрицающим всякую спекуляцию, реализмом в системах так называемого сенсуализма и материализма англичан и французов и духом всего Спинозы, они все же имеют свое последнее основание в

«Grundsätze» очень тонко заметил, что пантеизм есть теологический материализм, отрицание теологии, остающееся на теологической точке зрения. В этом смешении материализма с теологией заключалась непоследовательность Спинозы, не помешавшая ему, однако, найти «правильное, по крайней мере, для своего времени, выражение для материалистических понятий новейшей эпохи». Поэтому Фейербах называет Спинозу «Моисеем новейших свободных мыслителей и материалистов»¹⁷. В 1847 г. Фейербах спрашивает: «Чем же оказывается при внимательном рассмотрении то, что Спиноза логически или метафизически называет *субстанцией*, а теологически — *богом* ?». И на этот вопрос он категорически отвечает: «Не чем иным, как природой». Главный недостаток спинозизма он видит в том, что «чувственная антитеологическая сущность природы принимает у него вид отвлеченного метафизического существа». Спиноза устранил дуализм бога и природы, так как объявил действия природы действиями бога. Но

том взгляде на материю, который был выражен Спинозой, как метафизиком, в знаменитом положении: «материя — отрицает бога» (К. Грюн, «Фейербах», т. I, стр. 324–325).

¹⁷ Werke, II, 291

именно потому, что действия природы являются в его глазах действиями бога, бог остается у него каким-то отдельным от природы существом, лежащим в ее основе. Бог представляется субъектом, природа — предикатом. Философия, окончательно освободившаяся от богословских преданий, должна устранить этот важный недостаток правильной по своему существу философии Спинозы. «Долой это противоречие! — восклицает Фейербах: — *Ne Deus sive Natura, no aut Deus aut Natura* есть природа истины»¹⁸.

Итак, «гуманизм». Фейербаха сам оказывается не чем иным, как спинозизмом, освобожденным от его теологической привески. И именно на точку зрения этого спинозизма, освобожденного Фейербахом от его теологической привески, перешли Маркс и Энгельс, когда разорвали с идеализмом.

Но освободить спинозизм от его теологической привески значило обнаружить его истинное, *материалистическое* содержание. Стало быть, *спинозизм Маркса-Энгельса и был новейшим материализмом*¹⁹. Далее. Мышление —

¹⁸ Werke, II, 350

¹⁹ В «Святом семействе» Маркс замечает: «Гегелевская история философии изображает французский материализм,

не причина бытия, а его следствие , или, точнее, его свойство . Фейербах говорит: «Folge und Eigenschaft». Я ощущаю и мыслю вовсе не как субъект, противостоящий объекту, а как субъект-объект , как действительное, материальное существо. И объект для меня есть не только ощущаемый предмет, но также основание, необходимое условие моего ощущения. Объективный мир находится не только вне меня; он также — во мне самом, в моей собственной коже 7). Человек есть лишь часть природы, часть бытия; поэтому нет места для противоречия между его мышлением и бытием. Пространство и время существуют не только для мышления. Они также — формы бытия. Они — формы моего созерцания. Но они таковы единственно потому, что я сам — существо, живущее во времени и пространстве, и что я ощущаю и чувствую лишь, как такое существо. Вообще законы бытия суть вместе с тем и законы мышления.

Так говорил Фейербах ²⁰ . И то же, хотя иногда и другими словами, говорил Энгельс в своей

как осуществление спинозовской суб-станции».

²⁰ Werke, II, 334 и X, 184–186.

полемике с Дюрингом ²¹. Уже отсюда видно, какая важная часть философии Фейербаха навсегда вошла в философию Маркса-Энгельса.

Если Маркс начал выработку своего материалистического объяснения истории с критики *Гегелевой философии права*, то он мог поступить так только потому, что критика *спекулятивной философии Гегеля* была закончена еще Фейербахом.

Даже *критикуя* Фейербаха в своих тезисах, Маркс нередко развивает и дополняет его же мысли. Вот пример из области «гносеологии».

По словам Фейербаха, человек, прежде чем *думать* о предмете, *испытывает на себе* его действие, *созерцает его, чувствует*.

²¹ Тут мы особенно рекомендуем вниманию читателя ту мысль Энгельса, что законы внешней природы и законы, регулирующие телесное и духовное бытие человека, суть «две группы законов, которые мы, в крайнем случае, еще можем отделить в представлении, но никогда в действительности» («Анти-Дюринг»). Это — то же самое учение об единстве бытия и мышления, объекта и субъекта. О пространстве и времени смотри пятую главу первой части указанного сочинения. Из этой главы видно, что пространство и время были для Энгельса, как и для Фейербаха, не только формами созерцания, но и формами бытия.

Маркс имеет в виду эту мысль Фейербаха, говоря: «Главный недостаток материализма, — до Фейербахова включительно, — состоял до сих пор в том, что он рассматривает действительность, предметный, воспринимаемый внешним чувством, мир, лишь в форме *объекта* или в форме *созерцания* , а не в форме конкретной человеческой деятельности, не в форме практики, не субъективно». Этим недостатком материализма объясняется, — говорит далее Маркс, — то обстоятельство, что Фейербах в своей «Сущности христианства» рассматривает, как истинно человеческую деятельность, только деятельность теоретическую. Другими словами это можно выразить так: Фейербах указывает на то, что наше я познает *объект, лишь подвергаясь его воздействию* ²². Маркс же возражает: наше я познает объект, *воздействуя на него* с своей стороны. Мысль Маркса вполне правильна; *еще Фауст* сказал: «*в начале дело было*». Конечно, в защиту Фейербаха можно возразить, что ведь и в процессе нашего воздействия на предметы мы познаем их свойства

²² «Dem Denken, — говорит он, — geht das Sein voran; ehe du die Qualität denkst, fühlst du die Qualität» (Werke, II, 253). (Мышлению предшествует бытие; прежде чем ты сознаешь качество, ты его ощущаешь.)

лишь постольку, поскольку они с своей стороны воздействуют на нас. В обоих случаях *мышлению* предшествует *ощущение*, в обоих случаях мы прежде *ощущаем* их свойства, а потом уже *думаем* о них. Но Маркс этого и не отрицал. Для него дело было не в том неоспоримом факте, что ощущение предшествует размышлению, а в том, что человек побуждается к размышлению главным образом теми ощущениями, которые он испытывает в процессе своего воздействия на внешний мир. А так как это воздействие на внешний мир предписывается ему его борьбою за свое существование, то теория познания тесно связывается у Маркса с его материалистическим взглядом на культурную историю человечества. Недаром тот же самый мыслитель, который направил против Фейербаха интересующий нас здесь тезис, написал в первом томе своего «Капитала»: «воздействуя на природу вне его, человек изменяет свою собственную природу». Это положение обнаруживает весь свой глубокий смысл только при свете Марксовой теории познания. И мы еще увидим, как сильно подтверждается эта его теория историей культурного развития и даже, между прочим, наукой о языке. Но все-таки надо признать, что гносеология Маркса по самой прямой линии происходит от гносеологии Фейербаха или, если хотите, что она, собственно, и есть

гносеология Фейербаха, но только углубленная посредством сделанной к ней Марксом гениальной поправки.

Прибавим мимоходом, что эта гениальная поправка была подсказана «духом времени». В этом стремлении взглянуть на взаимодействие между объектом и субъектом именно с той его стороны, с которой субъект выступает в активной роли, сказалось общественное настроение того времени, когда складывалось мирозерцание Маркса-Энгельса ²³. Революция 1848 года была тогда уже не за горами...

III

Учение об единстве субъекта и объекта, мышления и бытия, в одинаковой мере свойственное как Фейербаху, так и

²³ Фейербах сказал о своей философии: «Моя философия не может быть исчерпана пером, она не находит места на бумаге». Но это положение имело для него только теоретический смысл. Он заявляет дальше: «Ибо для нее, — т. е. для философии Фейербаха, — истинным является не продуманное, а то что было не только продумано, но увидено, услышано и прочувствовано» («Посмертные афоризмы» в книге Грюна, т. II, стр. 306.).

Марксу-Энгельсу, было также учением наиболее выдающихся материалистов XVII и XVIII столетий.

В другом месте ²⁴ мы показали, что Ламеттри и Дидро пришли, — хотя, надо прибавить, каждый своим особым путем, — к такому мирозерцанию, которое было «родом спинозизма», т. е. спинозизмом, лишенным искажавшей его истинное содержание теологической привески; легко было бы показать, что, поскольку речь идет об единстве субъекта и объекта, Гоббс тоже очень близок к Спинозе. Но это завело бы нас слишком далеко. Да в этом и нет настоящей нужды. Едва ли не интереснее для читателя будет констатирование того, что каждый натуралист, хотя немного занимающийся вопросом об отношении мышления к бытию, приходит в настоящее время к тому учению об их единстве, с которым мы познакомились у Фейербаха.

Когда Гексли писал: «В наши дни никто из стоящих на высоте современной науки и знающих факты не усомнится в том, что основы психологии надо искать в физиологии нервной системы» и что так называемая деятельность духа «есть

²⁴ См. статью «Бернштейн и материализм» в нашем сборнике «Критика наших критиков». Сочинения, т. XI.

совокупность мозговых функций»²⁵, он высказывал именно то, что говорил Фейербах, только он с этими словами связывал гораздо менее ясные понятия, и именно потому, что понятия, связывавшиеся у него с этими словами, были гораздо менее ясны, он мог пытаться соединить свой, только что указанный нами, взгляд с философским скептицизмом Юма²⁶.

Точно так же и наделавший так много шума «монизм» Геккеля есть не что иное, как чисто материалистическое, — и, в сущности, близкое к Фейербаховскому, — учение об единстве субъекта и объекта. Но Геккель очень плохо знаком с историей материализма, и потому он считает нужным бороться с его «односторонностью», между тем как ему следовало бы дать себе труд изучить его теорию познания в том виде, какой она приняла у Фейербаха и Маркса: это предохранило бы его самого от многих промахов и односторонностей, облегчающих его противникам борьбу с ним на почве философии.

Совсем близко подходит к новейшему материализму, — материализму

²⁵ «Hume, sa vie, sa philosophie», p. 108.

²⁶ Ibid., p. 110.

Фейербаха-Маркса-Энгельса, — Август Форель в различных своих сочинениях, например, в докладе «Gehirn und Seele», читанном на 66-м съезде немецких естествоиспытателей и врачей в Вене (26 сентября 1894 г.)²⁷. Местами Форель не только выражает там мысли, очень сходные с мыслями Фейербаха, но — что прямо поразительно — располагает свои доводы именно так, как располагал свою аргументацию Фейербах. По словам Фореля, каждый новый день приносит нам убедительные доказательства того, что психология и физиология мозга представляют собою лишь два различных способа рассматривания «одной и той же вещи». Читатель не забыл приведенного нами выше и относящегося к этому же вопросу тождественного взгляда Фейербаха. Этот взгляд можно дополнить здесь следующим, соображением: «Я, — говорил Фейербах, — психологический объект для самого себя, но физиологический — для другого»²⁸. В конце концов, главная мысль Фореля сводится к тому положению, что сознание

²⁷ Ср. также третью главу его книги: «L'âme et le système nerveux. Hygiène et pathologie». Paris 1906.

²⁸ Werke II, 348–349.

есть «внутренний рефлекс мозговой деятельности»²⁹. А это уже чисто материалистический взгляд.

Идеалисты и кантианцы разных видов и разновидностей твердят, возражая материалистам, что непосредственно нам дана именно только психическая сторона тех явлений, о которых идет речь у Фореля и у Фейербаха. Это возражение было чрезвычайно ярко сформулировано Шеллингом, который сказал, что «дух навсегда останется островом, на который из области материи нельзя попасть без прыжка». Форель прекрасно знает это, но он убедительно доказывает, что наука была бы прямо невозможна, если бы мы серьезно решились не выходить за пределы этого острова. «Каждый человек, — говорит он, — имел бы лишь психологию своего субъективизма (*hätte nur die Psychologie seines Subjektivismus*)... и положительно должен был бы усомниться в существовании внешнего мира и других людей»³⁰. Но такое сомнение есть нелепость³¹.

²⁹ «Die psychischen Fähigkeiten der Ameisen» etc, München 1901, S. 7.

³⁰ Ibid. S. 7–8.

³¹ Более того. По возвращении из ссылки, Чернышевский опубликовал статью «Характер человеческого знания». В ней

«Умозаключения по аналогии, естественнонаучная индукция, сравнение опыта наших пяти внешних чувств доказывают нам существование внешнего мира других людей и психологии этих последних. Точно так же они доказывают нам, что сравнительная психология, психология животных, наконец, наша собственная психология осталась бы для нас непонятной и полной противоречий, если бы мы стали рассматривать ее без отношения к деятельности нашего мозга; она прежде всего представилась бы противоречащей закону сохранения энергии»³².

Фейербах не только обнаруживает те противоречия, в которые неизбежно попадают люди, отвергающие материалистическую точку

он остроумно доказывает, что человек, сомневающийся в существовании внешнего мира, должен усомниться в своем собственном существовании. Чернышевский был и навсегда остался верным последователем Фейербаха. Основная мысль его статьи может быть выражена следующими словами Фейербаха: «Я отличаюсь от вещей и существ вне меня не потому, что я себя отличаю от них, но я отличаю себя потому, что отличаюсь от них физически, органически, действительно. Сознание предполагает бытие, есть только осознанное бытие, сущее как сознанное, представленное» («Посмертные афоризмы» в книге Грюна, т. II, стр. 306).

³² «Die psychischen Fähigkeiten», та же страница.